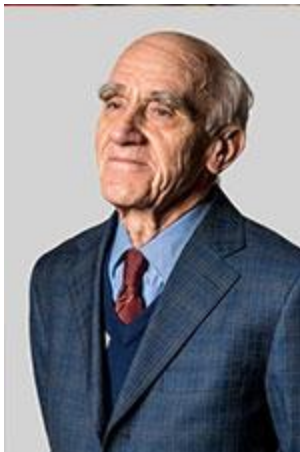

Борис Григорьевич Доронин
Проект «Российское китаеведение – устная история»

Boris G. Doronin
“Russian Sinology – the Oral History” Project

<p>Доронин Борис Григорьевич (БД) Китаевед, д.и.н., профессор СПбГУ</p> <p>Место: Санкт-Петербург, РФ Дата: 2011, 20 июня 2019 Вёл интервью: Ганшин В.Г. (ГВ), ИДВ РАН – 2011 г.; Головачёв В.Ц. (ВГ), ИВ РАН – 2019 г. Примечания: В.Ц. Головачёв Продолжительность: 2 часа Объём: 39 с. (1,8 а.л.)</p>	<p>Boris G. Doronin Sinologist, Doctor of Sciences (History), professor, St.-Petersburg State University Place: St.-Petersburg, Russia Date: 2011, June 20, 2019 Hosted by: Vladimir G. Ganshin (IFES RAS – 2011 part), Valentin Ts. Golovachev (IOS RAS – 2019 part) Footnotes: Valentin Ts. Golovachev Duration: 2 hours Volume: 39 pages</p>
---	--

Доронин Борис Григорьевич (20.06.1928 – 09.01.2021). Родился в Карачеве. Китаевед, историк, д.и.н. (1994), профессор (1995). Заслуженный работник высшей школы РФ. Окончил Восточный факультет ЛГУ (1951). Сотрудник Библиотеки Академии Наук (1956–1968). Преподаватель кафедры истории стран Дальнего Востока восточного факультета СПбГУ (с 1968). Стажёр Пекинского университета (1985–1986). Специалист по китайской историографии эпохи Мин (1368–1644) и Цин (1644–1912).

Борис Григорьевич всю жизнь прожил в Ленинграде, пережив блокаду и послевоенное время. В 1952 г. он с отличием окончил Восточный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета и по 1955 г. проходил обучение в аспирантуре при факультете. С 1956 г. по январь 1968 г. он работал в Библиотеке АН СССР, занимаясь комплектованием фондов библиотеки китайской литературой.

В январе 1968 г. Б.Г. Доронин он перешел на должность преподавателя кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ, где проработал более 52 лет. В 1976 г. Б.Г. Доронин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Династийная история “Мин ши” как источник по истории крестьянской войны в Китае 1627–1646 гг.», а в 1994 г. — докторскую диссертацию на тему «Официальное историописание — государственно-политический институт империи Цин (XVII — XVIII)». В 1995 г. он был назначен на должность профессора, а в 1998 г. утвержден в этом звании.

В общей сложности Б.Г. Дорониным опубликовано более 150 работ (несколько из них — на китайском языке), в том числе ряд монографий и учебных пособий, а также 30 статей (общим объемом около 10 авторских листов) в Энциклопедии «Духовная культура Китая», которая была отмечена государственной премией. Основной темой его научных исследований была история и историография Китая периода правления маньчжурской династии Цин.

За время работы в университете Б.Г. Дорониным было подготовлено и прочитано большое количество курсов по истории и культуре Китая и Филиппин: «Введение в специальность», «Культура и этнография Китая», «История Китая», «Источниковедение и историография истории Китая», «Социально-политическая система и экономика Китая», «Проблемы истории Китая XVII—XVIII вв.», «Цивилизационный фактор модернизации Китая на современном этапе».

В 1976—1981 гг. Б.Г. Доронин являлся заместителем декана Восточного факультета. Выпускники и бывшие студенты Бориса Григорьевича Доронина, которые живут и работают во многих городах и странах, помнят его как требовательного и внимательного к студентам педагога, энтузиаста своего дела, старавшегося передать студентам свою любовь к истории и к своей профессии.

ГВ: Здравствуйте, Борис Григорьевич! Когда и где вы родились?

БД: Здравствуйте! Я родился в 1928 году в городе Карачеве Брянской области, откуда, как, оказалось, вышло много китаистов. Это Брянская, раньше Орловская область была. Отец у меня был военный, так что мы много перемещались по стране и, в конце концов, оказались в Ленинграде.

ВГ: Как звали вашего отца?

БД: Его звали Григорий Дмитриевич Доронин.

ВГ: Какая военная специальность у него была?

БД: Он был технарём военный, воентех. Что-то вокруг артиллерии. Он или стрелял, или пушки ремонтировал. Отец мой до Берлина дошёл, а умер в конце 1970-х годов.

ВГ: Как звали вашу маму?

БД: Наталья Михайловна.

ВГ: Она работала воспитателем?

БД: Она по образованию воспитатель, но работала то на стороне воспитателем, то дома работала воспитателем. По-разному жизнь складывалась. Она умерла в 1980-е годы.

ГВ: Школу вы в Карачеве заканчивали?

БД: Нет. По-моему, с 1931 года мы жили в Ленинграде, где я и начал учиться. Потом, посидев в блокаду, уезжали. Потом снова вернулись.

ГВ: Сколько лет вам было тогда?

БД: Ну, если я в 1928 году родился, то лет тринадцать-четырнадцать. Когда нашу школу увозили (я учился недалеко от Литейного и Пестеля), мама меня не пустила со школой. Потом их разбомбили на железной дороге, у нас там много ребят погибло. В общем, я попробовал самый критический период блокады.

ВГ: Что больше всего запомнилось со времён блокады?

БД: Больше всего – голод-холод, естественно. Кроме того, бомбёжки, бомбы – это, конечно, ужасно! Артобстрелы не такие страшные были. Стреляют ведь в определённом направлении. А бомба – она свистит и куда хочет, туда и шлёпнется. Это очень противно! Мы жили около Большого дома¹ в районе Смольного. Жили в высоком бельэтаже старого дома, где у нас в коммунальной квартире была комната в три больших окна, по 3,5-4

¹ Большой дом – неофициальное название административного здания в Ленинграде (Санкт-Петербурге) на Литейном проспекте, д. 4. Открыто в 1932 г. и предназначалось для ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. В наст. время в здании находится Управление Федеральной службы безопасности РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

метра. Первая бомбёжка была в ночь с 8 на 9 число². На Литейном несколько осколочных бомб шлёпнулось и ещё где-то.... У нас под окнами, за кинотеатром «Спартак», тоже шлёпнулась осколочная бомба и вышибла все окна. Потом «контора» заколотила эти окна фанеркой, и мы вот так зимовали. Прохладно было! Блокадный, а потом и трудный послевоенный период как-то воспитывал. Как в той самой замечательной песне поётся: «Это очень хорошо, что пока нам плохо!»

ГВ: Вас эвакуировали из Ленинграда?

БД: Мама работала в начале войны в детском учреждении, которое эвакуировали из блокадного Ленинграда. В конце февраля – начале марта 1942 года мы уже во второй раз уезжали через Ладогу в Кировскую область, а потом перемещались в разные места.

ГВ: Почему вы так часто перемещались в разные места?

БД: Так получилось, ведь было военное время. Когда отца перевели с фронта в Вологодскую область, мы в Вологодскую область поехали. Потом его перевели в Саратовскую область, мы поехали в Саратовскую. И в Липецкой области я был. Потом отца направили в Сталинград, поэтому мы тоже поехали в какое-то место в районе Сталинграда. А когда мы вернулись в 1945 году в Ленинград, в родную школу меня не взяли, потому что мест там не было. Я пошёл в школу №181 (это была одна из очень сильных школ), которую окончил в 1947 году. Сразу после школы я поступил на восточный факультет.

ГВ: Почему вы решили пойти именно на восточный факультет?

БД: Почему пошёл туда, сказать трудно. Видимо, какое-то гуманитарное начало во мне было. В детстве я начал очень рано читать и дочитался до того, что родители даже хотели «отлучить» меня от библиотеки. Была очень хорошая библиотека в Доме офицеров. Там был детский клуб и просто шикарная библиотека для детей. И вот мои родители ходили туда жаловаться, чтобы мне больше не давали книжек. Кроме библиотеки, в Доме офицеров был ещё детский драмкружок, студия художественного слова. И на каком-то довоенном конкурсе я читал стихотворение о Народно-освободительной армии Китая. Я даже какие-то строчки из него до сих пор помню: «А поутру... сын народного...» и что-то там такое.... По-моему, то был **Эми Сяо**³. Может быть, это сыграло роль, не знаю. Может, это была «рука судьбы». В общем это всё стихийно получилось. У нас одна из самых

² Первый значительный двойной авианалёт на Ленинград случился 8 сентября 1941 г. При первом налёте фашистские самолёты разбомбили Бадаевские склады, уничтожив 3 тыс. тонн муки. Во время второго налёта повреждение получили Московский вокзал и главная водонапорная станция города.

³ **Эми Сяо** (1896–1983) – наст. имя Сяо Ай-мэй, в СССР известен как Сяо Сань кит. 萧三, Сяо Цзы-чжан / Siao Tzu-chang. Китайский революционер, поэт, писатель-публицист, литературный критик, главный редактор ряда журналов; автор текста китайского «Интернационала» и других поэтических переводов, в том числе на русский язык. Был широко известен в СССР. Член КПК с 1921.

сильных математиков в городе была, поэтому все ребята из нашей школы шли на точные науки. А я оказался в 1947 году на восточном факультете, поступил на китайское отделение. Тогда нас ещё не делили на историков и филологов.

ГВ: У вас была большая группа? Кто с вами учился?

БД: Группа была большая. Из известных китаистов в нашей группе учились **Лев Николаевич Меньшиков**⁴ и **Виктор Васильевич Петров**⁵. Самым ярким был, конечно, Виктор Васильевич – хоть и не титулованный, но его все китаисты знают. Он был одним из последних наших «энциклопедистов». Хотя Петров не защищал ничего (никаких диссертаций), у него было много работ. И даже те люди, которые готовили докторскую диссертацию, всегда старались с ним проконсультироваться, он всё знал! Литературу, историю, экономику, – всё знал! Он собрал справочный фонд по Китаю, который потом Публичная библиотека взяла. А этот фонд один человек сделал! Петров поступил на факультет, успев прочитать всю основную литературу, написанную на русском языке по Китаю. Вот такой был человек – очень увлечённый, целеустремлённый и, конечно, самый талантливый наш китаист! Лев Николаевич Меньшиков был человек взрослый, намного старше нас. Он уже в каких-то экспедициях в Якутии поработал. Он, особенно поначалу, как-то не блистал, по крайней мере формально. Может быть, он и знал очень много, но мне, как вы понимаете, в студенческие годы как-то ни к чему было изучать, кто корифей а кто нет...

Новиков Борис Михайлович⁶ у нас в группе тоже учился. **Софронов Михаил Викторович**⁷ – он откуда-то «вынырнул» и куда-то потом «унырнул». Он ведь потом у вас в Москве работал в институте Дальнего Востока. Софронов – известный лингвист. В другой, следующей за нами группе учились **Георгий Яковлевич Смолин**, **Борис Львович Рифтин**⁸, **Владимир Иванович Семанов**⁹.

⁴ Меньшиков Лев Николаевич (1926–2005). Китаевед, историк и литературовед, д.ф.н. (1976), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по кит. драме, издатель и интерпретатор традиционных кит. текстов (в т.ч. рукописей из Дуньхуанского фонда и коллекции Хара-Хото). Почётный член Дуньхуанской академии КНР (1999). Сотрудник ЛО ИВ АН СССР (с 1955)

⁵ Петров Виктор Васильевич (1929–1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951–1987). Член Союза писателей СССР (с 1957)

⁶ Новиков Борис Михайлович (1929 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1976), доцент (1978), преподаватель востфака СПбГУ(ЛГУ) с 1957. Окончил востфак ЛГУ (1952). Специалист по истории тайных обществ в Китае в новое время.

⁷ Софронов Михаил Викторович (1929 г.р.). Востоковед, языковед, д.ф.н. (1970), профессор. Окончил востфак ЛГУ (1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1957–1970), ИДВ АН СССР (с 1970). Преподаватель МГУ (с 1970). Вёл исследования по дешифровке и реконструкции тангутского языка («Грамматика тангутского языка», кн. 1–2, 1968).

⁸ Рифтин Борис Львович (1932–2012). Китаевед, литературовед, переводчик, д.ф.н. (1970), членкор АН СССР (1987), академик РАН (2008). Окончил востфак ЛГУ (1955). Сотрудник ИМЛИ (1956–2012), отдела литератур Азии и Африки. Один из крупнейших специалистов

ВГ: Б.Л. Рифтин, *Е.И. Кычанов*¹⁰ и *Э.В. Шавкунов*¹¹ были младше вас?

БД: Младше.

ВГ: Вы с ними общались как-то или нет?

БД: Мало. С Борисом Львовичем и особенно с Семановым общение не очень простое было.

ВГ: Какие у вас были с ним отношения с Е.И. Кычановым?

БД: Отношения были всегда добрые. В конце жизни – просто дружеские.

ВГ: Почему дружеские?

БД: Потому что мы как-то друг друга интересовали. Евгений Иванович был удивительным человеком – спокойный, уравновешенный. Без скандалов решал всякие проблемы.

ВГ: Он был хорошим директором института (ЛО ИВ РАН)?

БД: По-моему, да. При нём институт встал на ноги крепко. Придёшь к нему в его директорский кабинет, а он там сидит, обложившись до головы словарями, и пашет. Либо свои тангутские тексты, либо китайские тексты изучает. По телефону позвонят – тогда только он какие-то неотложные проблемы решает...

ВГ: Кто учил вас на восточном факультете?

БД: Мы все начали тогда учиться у *Василия Михайловича Алексева*¹². Академик Алексеев нас домой приглашал, чаем поил, знакомил со своей коллекцией книжек и нас рассматривал. Водил он нас в своё время туда, где стояли библиотечные ящики-кубы с карточками и готовился тот самый словарь «Большой китайско-русский словарь» (БКРС), который потом Ошанин довёл до ума. Вот это всё мы видели. Полтора года Алексеев вёл у нас занятия. Я был тогда старостой группы и мне было поручено каждый раз встречать его перед занятиями, потому что тогда неизвестно было, где у нас будут проходить занятия.

ВГ: Все занятия здесь проходили, в здании восточного факультета?

по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекит. мифологии, фольклорной традиции и средневековой литературе Китая.

⁹ *Семанов Владимир Иванович* (1933–2010). Китаевед, литературовед, д.ф.н. Засл. профессор МГУ.

¹⁰ *Кычанов Евгений Иванович* (1932–2013). Китаевед, тангутовед, д.и.н. (1970), профессор (1986). Сотрудник ИВР РАН в Санкт-Петербурге, Директор СПбФ ИВ РАН (1996–2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР.

¹¹ *Шавкунов Эрнст Владимирович* (1930–2001). Китаевед, д.и.н., профессор, Засл. деятель науки РФ. Несколько десятилетий заведовал сектором средневековой археологии в Ин-те истории, археологии и этнографии ДВО АН СССР/РФ.

¹² *Алексеев Василий Михайлович* (1881–1951). Китаевед (литературовед, историк, знаток культуры Китая). Академик АН СССР (1929). Окончил факультет восточных языков Петербургского ун-та (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904–1909). Преподаватель СПбУ/ЛГУ (1910–1951). Сотрудник Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902–1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947)

БД: Здесь. Но здесь раньше были не только аудитории. По этим коридорам, на первом и втором этаже, находились студенческие общежития. Студентов тогда было поменьше, но порядочно, и у нас тогда ещё «северники» были. Потом «северный» факультет¹³ отделился, но, когда я поступил, с нами учились большие группы студентов из Тувы. Так что факультет у нас был довольно большой. Я тогда занимался спортом и общался с тувинцами.

А потом в 1949 году у нас появилась кафедра истории стран Дальнего Востока. Она с исторического факультета пришла. «Пришла» – это не совсем точно. Там довольно сложная процедура была. Но, в общем, образовалась кафедра и её заведующим был *Геронтий Валентинович Ефимов*¹⁴. После этого нашу группу разделили на историков и филологов. Я стал историком, а Петров с Меньшиковым – филологами. А до этого мы все были вместе.

ВГ: Кто из академиков, помимо Алексева, преподавал у вас?

БД: Академиков у нас там было много. Когда я учился, у меня в зачётке, по-моему, четыре или пять академиков расписались. *Василий Васильевич Струве*¹⁵... *В.М. Жирмунскому*¹⁶ я сдавал экзамены. Кто-то ещё был из академиков. В общем, много... Когда мы не были разделены на историков и филологов, мы слушали языковедение. Этот курс нам читал *Александр Алексеевич Холодович*¹⁷. Он не академик, но очень известный человек.

ВГ: А Орбели преподавал у вас?

БД: Нет, Орбели у нас не преподавал, но я у него до войны учился. У них в университете был кружок по истории, который вёл Орбели, и я туда некоторое время ездил. Но ездить было далеко, да и он был человек занятой – то есть занятие, то нет. В итоге я там несколько раз побывал, а потом мать сказала: сиди дома, не ездь! И я как-то «откололся». А в зачётке мне Орбели ничего не писал.

ВГ: Кроме восточного факультета, где вы учились, где-то ещё в Ленинграде преподавали китайский язык? Например, на истфаке или экономистам?

¹³ Факультет для студентов из числа народов Севера СССР.

¹⁴ *Ефимов Геронтий Валентинович* (1906–1980). Китаевед, д.и.н. (1958), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ с 1941, зав. кафедрами истории Востока и Дальнего Востока, проректор ЛГУ (1961–1965). Труды по истории Китая в новое и новейшее время.

¹⁵ *Струве Василий Васильевич* (1889–1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916–1934). Зав. египетским отделом Эрмитажа (1914–1933). Директор, завотделом Древнего Востока ИВ АН СССР (1958–1965).

¹⁶ *Жирмунский Виктор Максимович* (1891–1971). Лингвист, литературовед, д.ф.н., профессор, академик АН СССР (1966), почётный член Баварской, Британской (членкор, 1962), Саксонской и др. академий, почётный доктор Оксфордского (1966) и др. многих ун-тов. Спец. по нем. и общей диалектологии, ист. герм. языков, теории грамм., тюркологии, истории нем. и англ. литературы, сравн. литературоведению, теории эпоса, стиховедению.

¹⁷ *Холодович Александр Алексеевич* (1906–1977). Востоковед, д.ф.н. (1949), профессор (1951). Учёный, переводчик, преподаватель ЛИФЛИ/ЛГУ (с 1930), МГУ (1936–1937). Основатель петербургской типологической школы. Автор трудов по корейскому и японскому языкам.

БД: Нет, это поветрие последних лет. И это неправильно, в общем, делается. Китайский язык, конечно, нужно преподавать, но должен быть один координирующий центр, а сейчас это бесконтрольно делают. Открывают изучение китайского, кто во что горазд, и получают разного рода накладки. Вот мне недавно рассказывали: девушка написала у нас магистерскую работу по истории Китая, а оппонента ей нашли на каком-то другом факультете. Почему – не понятно... Нет-нет, тогда, в мои студенческие годы, это был действительно центр, поскольку у нас преподавал академик, были прочные контакты с Институтом востоковедения. Потом мы маленько подослабли. После введения специализации мы стали историками и получали уже историческое образование. Причём Геронтий Валентинович Ефимов настаивал, чтобы мы изучали именно новую и новейшую историю Китая.

ВГ: А как обстояло дело с преподаванием китайского?

БД: Нам не очень повезло в смысле языка, потому что в то время с преподавателями языка было плоховато. Китайский язык у нас был всё время, но всё зависело от того, кто в это время преподавал. Скажем, на первом курсе китайский язык нам преподавал Александр Александрович Драгунов. Он был лингвист, он нам всякие истории драматические рассказывал, а с живым языком было плохо. Чему-то научил *Борис Иванович Панкратов*¹⁸. Потом он ушёл и пришла *И.Э. Циперович*¹⁹. Потом был *В.А. Вельгус*²⁰, потом ещё кто-то. Всё время «мелькали» преподаватели. потом, кажется, на третьем курсе мы читали классические тексты с Г.Ф. Смыкаловым. Заведующим кафедрой после В.М. Алексеева стал *Георгий Феофанович Смыкалов*²¹. Он стал нам старые китайские тексты читать. Давайте, говорит, почитаем династийные истории! Со словарём Колоколова²². Вы представляете колоколовский словарь? И вот мы с помощью словаря Колоколова «читали» династийные истории!

¹⁸ *Панкратов Борис Иванович* (1892–1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. Окончил Восточный ин-т (Владивосток, 1916). Много лет жил и работал в Китае. Владел китайским, монгольским, тибетским, маньчжурским и другими языками. Преподаватель Востфака ЛГУ (1949), сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935-1942, 1948-1979). Специалист по зарубежной историографии Китая XX в. и новейшей истории Китая.

¹⁹ *Циперович Изольда Эмильевна* (1918–2000). Китаевед, к.ф.н. (1969), сотрудник библиотеки ЛО ИВ РАН (филиал БАН) (1967–1998).

²⁰ *Вельгус Виктор Андреевич* (1922–1980). Китаевед, к.ф.н. (1967). сотрудник ЛО Ин-та этнографии АН СССР (с 1960).

²¹ *Смыкалов Георгий Феофанович* (1877–1955). Китаевед. Окончил фак-т вост. языков С.-Петербургского ун-та (1902). Служил в Пекинском отд. правления Общества КВЖД, преподавал в рус.-кит. школе, был переводчиком в газете «Яньдунбао» (1903–1907). Преподавал кит. язык в Николаевском кавалер. уч., сдал магистерский экзамен (1908–1910). С 1910 г. служил в общей канцелярии Мин-ва финансов. С 1911 (1913?) г. преподавал в Практической вост. академии в Петербурге. Позднее профессор, завкафедрой кит. филол. востфака и филфака ЛГУ, сотрудник ИВ АН СССР.

²² Речь идёт о словаре Всеволода Сергеевича Колоколова: Краткий китайско-русский словарь: по графической системе: включающий важнейшие военные термины / Сост. В.С. Колоколов. Москва: Советская энциклопедия, 1935. 688 с.

ВГ: И это считалось занятиями китайским языком?

БД: Дело в том, что мы почти ничего там не читали. Он нам фактически сам переводил, показывал и рассказывал. Вот как нас учили китайскому языку. В какой-то момент у нас на некоторое время появился китаец, с которым мы учили иероглифику.

ВГ: Это был **Ниткин (Ни Дэ-гэнь)**²³?

БД: Да, это был Ниткин.

ВГ: Значит, были всё-таки у вас тогда носители языка?

БД: Были, были. Но, к сожалению, нам не очень в этом плане повезло. Не было у нас стандартного преподавательского состава, который бы язык преподавал, преподаватели всё время менялись. Мне, например, очень много дали занятия с Борисом Ивановичем Панкратовым.

ВГ: Чем вам запомнился Б.И. Панкратов?

БД: Борис Иванович Панкратов был великий китаист и удивительный, замечательный человек! Он у нас не очень много преподавал, но у меня с ним добрые отношения сохранялись до самой его кончины. Панкратов мне, конечно, много помогал! Это был своеобразный китаист, «ходячая энциклопедия». У него печатных работ немного, но он прекрасно знал письменную культуру Китая. Сплошь и рядом: «Борис Иванович, вот какая-то книжка». – «А! Вон там надо искать.» Он потом жил рядом с Библиотекой Академии Наук, иногда там с собачкой гулял...

ВГ: А как человек он каким был?

БД: Очень был приветливый, сведущий буквально по всем ... Вот **Л.Н. Гумилёва**²⁴ он «воспитывал» очень основательно, потому что тот писал о чём знал и о чём не знал, особенно – о чём не знал он писал. Однажды было какое-то обсуждение в Кунсткамере – какую-то работу Гумилёв по буддизму «накатал». Я не присутствовал, просто слышал. Ну и Борис Иванович выступил, «разделал» его...

ВГ: В Ленинграде до войны были китайцы? Кем был первый китаец, которого вы встретили в жизни?

БД: До войны китайцев было много! Они торговали игрушками-шариками какими-то, мать их покупала. По-настоящему с китайцами мы встречались как-то на стороне, когда приезжали всякие делегации. По-моему, в 1948 году, году, как раз накануне образования КНР, приезжала делегация из Дунбэя (Северо-восточного Китая). Потом у нас много было всяких аспирантов, студентов на истфаке. У нас-то [на востфаке] их не было, а на истфаке были. Вот с ними мы и контактировали.

ВГ: По какой теме вы писали дипломную работу? По современности?

²³ *Ниткин Владимир Краснович (Хунович, Ни Дэ-гэнь) (1905–1960е?). Этнический китаец, эмигрант. Преподавал китайский язык в ЛГУ. По профессии – художник*

²⁴ *Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992). Советский и российский историк-этнолог, востоковед, д.и.н. и д.геогр.н. (вторая докторская степень не утверждена ВАК), переводчик с персидского языка.*

БД: Дипломную работу я писал по образованию Народно-освободительной армии современного Китая. Она потом была опубликована в «Учёных записках» Ленинградского университета.

ВГ: Когда вышла ваша самая первая публикация?

БД: Первая публикация – это и есть моя дипломная работа. Я её написал в 1952 году, а опубликована она была (тогда медленно печатали) года через два или три.

ВГ: С какими чувствами вы взяли в руки журнал со своей первой статьей?

БД: Это не журнал, а сборник был. Никаких чувств не было! Наверное, потому что кончался мой аспирантский срок, а я свою работу не завершил. То есть был кандидатом на вылет из аспирантуры и, соответственно, с факультета. Вот такие чувства были!

ВГ: Драматично! Как решился вопрос с вашим трудоустройством сразу после выпуска?

БД: Я был оставлен в аспирантуре и Л.И. Думан посоветовал мне заняться **Ли Цзы-чэном**²⁵. Геронтий Валентинович был как-то не очень расположен к древности, тем не менее он тоже благословил и стал я заниматься этим самым Ли Цзы-чэном.

ВГ: И потом три года занимались Ли Цзы-чэном?

БД: Там получились всякого рода накладки. Я всегда много общественной работой занимался, а тут меня выбрали в большой университетский профком, на который я год аспирантуры положил, что, конечно, не помогало заниматься изучением Ли Цзы-чэна. Мне тогда сказали, мол, продлим тебе срок аспирантуры. Но когда понадобилось продлить этот срок, те ребята, которые это пообещали, сказали: «Нет-нет, мы этого делать не будем! Продлевать ничего не будем!». В общем срок закончился и мне пришлось уходить.

ВГ: И что было потом?

БД: Потом я проработал десять лет в Библиотеке Академии наук (БАН). Продолжал заниматься той же темой, какие-то статьи публиковал. Официально я работал в библиотеке не по китаистике, но Китаем занимался. Правда, не специально Ли Цзы-чэном.

ВГ: Как продвигалась ваша работа над диссертацией?

БД: Я столкнулся тогда с такой проблемой – оказалось, что практически все работы о Ли Цзы-чэне, изданные у нас и за рубежом, были написаны на основании материалов династийной истории Мин («Мин ши»). Тогда я решил поинтересоваться, что такое «Мин ши», и вот до сих пор этим интересуюсь. Так я стал заниматься традиционной классической китайской историографией.

ВГ: Когда и как вы оказались снова в университете?

²⁵ Ли Цзы-чэн 李自成 (1606–1645). Вождь крестьянской войны (1628–1645) в Китае. Уроженец уезда Мичжи в провинции Шэньси, сын крестьянина.

БД: Такая возможность появилась в 1968 году. Геронтий Валентинович пригласил меня на кафедру, где я стал преподавать. До этого я поддерживал контакты с кафедрой, выступал на конференциях (коллеги меня всегда звали). Вот с января 1968 года я здесь читаю курсы по истории Китая и практически по всей по историографии Китая, исключая, может быть, новейшее время. Читаю проблемы культурного наследия Китая.

ГВ: Ну, это уж совершенно необъятная тема!

БГ: Да, но актуальная. Китай сейчас столько всего сделал! У нас об этом пишут мало или не очень правильно. Кроме того, я читаю этнографию, государственный строй Китайской Народной Республики. В общем, курсов у меня довольно много. Довольно долго, лет 20, я читал «китайские словари и справочники». Сейчас я перестал это делать по разным причинам. Вот такая у меня педагогическая нагрузка. В 1976 году я защитил кандидатскую диссертацию.

ВГ: Как звучала тема вашей кандидатской диссертации?

БД: Приблизительно так: «Династийная история “Мин ши” как источник по истории крестьянской войны в Китае 1627–1646 гг.». Защита прошла хорошо!

ВГ: Кто-нибудь занимается сейчас этой темой у нас в России?

БД: Никто историографией у нас не занимается, а этой темой – тем более! Эта тема формально Ли Цзы-чэну посвящена, а, на самом деле, я там впервые прикоснулся к особенностям китайской историографии. Когда я работал над диссертацией, у меня получалось, что у составителей «Мин ши», большая часть биографии Ли Цзы-чэна излагается в положительном ключе. Когда я это самое произнёс на кафедре, Геронтий Валентинович Ефимов запрыгал и говорит: «Да как это? Это что такое?!» Оять-таки я часто спрашиваю: разве информация из династийной истории была предназначена для «общественного мнения»? Вы думаете, что китайские крестьяне сидели и читали «Мин ши»?.. Ха-ха-ха! В результате у меня на кафедре работа была готова года на три раньше того, как пошёл на защиту (в 1976).

ВГ: Кто оппонировал на вашей защите?

БД: Одним из оппонентов у меня был **Сергей Леонидович Тихвинский**²⁶. В то время я уже был с ним в добрых отношениях.

ВГ: Какой отзыв он дал, положительный?

БД: Мне неудобно хвастаться, но на защите он открытым текстом сказал, что это не кандидатская диссертация, это текст диссертации докторской. Ну, она там, действительно, была набита всяким материалом выше головы...

ВГ: Кто был вашим вторым оппонентом?

БД: **Рудольф Всеволодович Вяткин**²⁷, если не ошибаюсь. Переводчик Сыма Цяня. Я защиту плохо помню, но помню, кто сидел на банкете. По-моему, Рудольф Всеволодович.

²⁶ *Сергей Леонидович Тихвинский* (1918–1918). Китаевед, д.и.н. (1953), академик АН СССР (1981). Служил на дипломатической работе в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Ин-та китаеведения (1960), замдиректора Ин-та народов Азии (1961–1963).

ВГ: Где вы устраивали банкет?

БД: У меня дома. Мы выкинули из комнаты (там была маленькая комната) всю мебель и накрыли здоровенный стол. Женщины домашние постарались, и это было лучше, чем в ресторане. Все посидели очень душевно... и до полного удовлетворения!

ВГ: Насколько изменилась ваша профессиональная жизнь после защиты?

БД: Мне и потом всю жизнь «везло»: я опять оказался на общественной работе – комсомольской, партийной, затем снова профсоюзной. Как только я защитил диссертацию, меня быстренько сделали заместителем декана восточного факультета, но на общественных началах. Поскольку факультет у нас был маленький, полной ставки у меня не было. А заведующий нашей кафедрой Г.В. Ефимов требовал выполнения полного объёма нагрузки и выполнения научной работы тоже. И я без отрыва от деканата должен был писать статьи и работы всякие, читать лекции. Так что мне досталось! Я шесть лет этим делом занимался. Поскольку факультет был маленький, я был и замдекана, и сам себе секретарь, в общем, работы было много. Но потом мне повезло: вскоре после того, как я распрощался с деканатом, я попал в Китай, уехал на годичную стажировку в Пекинский университет.

ГВ: Это была ваша первая поездка в Китай?

БД: Да, первая. Я много раз оформлялся, но невезучий я был! Не по каким-то другим причинам, не по анкетным данным, а просто – ну, невезуха! Никак не получалось! Один раз я должен был с каким-то начальством поехать. Но в последний момент «Москва» позвонила, сказали: «Поедет москвич». Супротив этого уже ничего не скажешь!..

ГВ: А в каком году вы поехали на стажировку?

БД: Поехал я в 1985–1986 гг. Я год сидел в Бэйда. Хотя Бэйда мне помогал мало (они тогда не очень любили «суляней», т.е. советских), получилось всё очень здорово, потому что, во-первых, я знал, зачем еду. Во-вторых, мне много помогал Народный университет. Я собирался заниматься цинской историографией. А в Народном университете уже тогда существовал и сейчас существует Институт истории династии Цин (*Цинши яньцзюсо*). Возглавлял его тогда профессор Дай И, который был и руководителем Ассоциации китайских историков. Он ко мне очень по-доброму отнёсся и всё время помогал мне. Я перезнакомился там со всем коллективом, работал у них в библиотеке. Они тогда никого не пускали туда, но меня **Дай И**²⁸ пустил.

²⁷ Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь истор. мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня (в 2011 г. издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939–1956). Сотрудник Ин-та китаеведения (1956–1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960–1967).

²⁸ Дай И 戴逸 (1926 г.р.). Историк, профессор. Специалист по истории династии Цин, новой и новейшей истории Китая, истории кит.-рос. отношений. Председатель гос. комиссии по составлению официальной истории династии Цин (с 2002)

Он же помог мне пробиться в Первый исторический архив. Я был первым советским, кто там работал. Туда до меня только какое-то наше архивное начальство приезжало (в 1960-е годы, кажется), а из китаистов я был первым, кто там работал. Два месяца я там сидел. Причём получилось так, что доступен архив стал только к концу моей командировки, а у меня виза была до августа. Но я с посольством это дело согласовал и ездил туда на велосипеде.

ВГ: Кто такой Дай И?

БГ: Дай И – это корифей, ведущий китайский китаист до сих пор! Он и сейчас активно работает, и делает цинский проект, который получил санкцию государства и политбюро (единственный в области гуманитарных наук!). Этот проект курировал один из членов политбюро ЦК КПК, который недавно приезжал в Россию (года два назад). Он ещё занимается печатью, выставку китайских печатей устраивал у нас в Русском музее, и у вас в Москве, по-моему, тоже был. Я сейчас не помню его фамилию... Ли... В общем, он был куратором этого проекта.

Вот на свежую голову вопрос: страна занимается модернизацией, куча проблем, а они занимаются цинской историей! Зачем?! Это очень мудрое решение! Они этим проектом очень много проблем решают! Они готовят 105 томов Истории династии Цин и, кажется, скоро должны завершить. Буквально вчера (19.06.2019) сообщили, что заканчивают и ждут официального одобрения сверху...

ВГ: Это уникальный проект! Мне тоже довелось работать с его китайскими исполнителями в мае 2008 г. Они тогда виделись с вами и общались в Петербурге. В тот год Дай И вроде бы тоже приезжал в Россию.

БД: Так вот, Дай И помог мне попасть в исторические архивы. Я держал в руках бумаги XVII века, где было написано, как они готовили династийную историю Мин: «Получил такие-то бумаги, отправил такие-то бумаги»... Это было мне трудно. Во-первых, они писали не для меня, и практики архивной работы у меня не было. Но там было всё здорово устроено, к тому времени туда уже пускали иностранцев. Потом я был ещё в другом архиве в Шэньяне. Я много чего тогда сделал: посмотрел Китай, весь Тибет на грузовике проехал с севера на юг, до Непальской границы.

ГВ: Если вы работали со старыми документами в китайских архивах, значит, вам преподавали вэньянь в своё время?

БД: Да, это обязательно. Вэньянь у нас преподаётся традиционно. И до сих пор со второго курса начинают читать.

ГВ: У нас в ИСАА только энтузиаст **М.В. Крюков**²⁹ читал вэньянь факультативно.

²⁹ Крюков Михаил Васильевич (1932 г.р.). Китаевед-историк, этнолог, д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский ун-т (1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Сотрудник ИВ АН СССР (1955–1957), Ин-та этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского ун-та (Тайвань, 1993–2002).

БД: У нас преподаёт сейчас **Т.Н. Никитина**³⁰, которая выпустила Словарь древнекитайского языка. Он немножко по-другому называется, потому что ориентирован на определённый учебный курс. Это не просто словарь древнекитайского языка, я не помню точное название³¹. Сейчас у нас Тамара Никифоровна преподаёт и историкам, и филологам. До этого у нас тот же Смыкалов преподавал. Мы же с ним династийные истории читали. Потом, я нас же **С.Е. Яхонтов**³² есть! Я как-то случайно оказался в аудитории, когда он с ребятами старым текстом занимался. Он же, кроме всего прочего, очень здорово знает детали жизни старого Китая, он там попутно рассказывает. Звонок звонит – ребята и не шелохнутся!

Много всего было. Было время после 1949 г., когда у нас набрали сто человек китаистов. Ну понятно, что в Китае победила революция. А потом набор студентов-китаистов резко сократился. Ну и с преподаванием так же было. Затем всё снова встало на рельсы. И вот уже который десяток лет всё идёт систематично.

ГВ: Какой была обстановка в Китай в 1985–1986 годах?

БД: В Китае тогда было всё спокойно. Когда я в Тибет собрался, мне университетские [администраторы] сказали, что надо оформлять пропуск. Отправили в какую-то контору с восточной стороны Гугуна. Я пришёл туда, а мне говорят: «Ты что, газет не читаешь? Уже триста городов для иностранцев открыли, а тебе какой-то пропуск надо?! Иди отсюда!». Я вернулся в университет, а там мне говорят: «Получай пропуск или никуда не поедешь!» Ну, я снова туда. Они мне: «Опять ты пришёл?!» В итоге я так и поехал без всякого пропуска. Более того, даже в Тибете у меня ни разу паспорта не спросили! Мы поехали туда вместе с одним московским профессором-астрофизиком. Тогда много «технарей» с нами на стажировке было. В конце сезона *чунь цзе* (китайского нового года) все уже возвращались по домам, поэтому никуда попасть невозможно было. В Тяньцзине мы простояли полсуток за билетами, чтобы доехать до Голмуда³³ на поезде. Потом в Голмуд приехали – а автобус там ходит нерегулярно. Автобус не ходит, на маршрутку ни на какую не попадёшь. Ну, мы там походили-походили, посмотрели, еле-еле устроились на постоялом дворе – было там что-то такое, вроде гостиницы. Вдруг слышим стук в дверь – какой-то молодой парень спрашивает: «Вы хотите в Лхасу ехать? Я завтра в пять часов утра поеду в Лхасу, цемент повезу. Если хотите в кабине, я вас подвезу.

³⁰ *Никитина Тамара Никифоровна* (1929–2015). Востоковед, китаевед, д.ф.н., профессор кафедры филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии востфака ЛГУ/СПбГУ.

³¹ Словарь древнекитайских иероглифов: С приложением словаря наиболее частотных омографов, встречающихся в древнекитайском тексте, сост. *Е.Г. Ивановой* / Сост. *В.В. Бортко, В.П. Зайцев, Е.Б. Кондратьева, Т.Н. Никитина*; под научной ред. *Т.Н. Никитиной, В.П. Зайцева*. СПб.: КАРО, 2009. 344 с.

³² *Яхонтов Сергей Евгеньевич* (1926–2018). Китаевед, к.ф.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае.

³³ Голмуд 格尔木县 – городской уезд в пров. Цинхай (КНР).

Сколько у вас есть? Столько-то юаней». Взял деньги и потом снова стучится, уже со своими вещичками. Я спрашиваю: «Чего?» А он говорит: «Я у вас переночую, а то вы подумаете, что я у вас деньги украл». Утром он нас погрузил, и мы поехали. А когда стали подъезжать к Лхасе, он вдруг говорит: «Ребята, я ведь не в Лхасу еду. Мне цемент в Шигацзе надо отгрузить. А потом у меня в Лхасе база, я там живу. Вам ведь делать нечего, вы гуляете! Поехали со мной! Вы посмотрите, а потом я вас в Лхасу отвезу». Вот мы с ним и поехали в Шигацзе. А там такая дорога за Лхасой начинается, что я бы и пешком по ней не пошёл: карнизик узенький, ледяной! И мы до самой Брахмапутры часов пять по этому самому карнизнику ехали. Когда поехали, мой напарник сказал: «Мы, кажется, влипли». Но паспорта у нас так никто и не спросил. Водитель только предупредил, что, если дорожная полиция будет, вы молчите, я всё буду говорить. По Лхасе мы там бродили, никто не спросил про документы.

Но поначалу там тяжело находиться, всё-таки там 3600 метров над уровнем моря. Мы тогда переезжали Танглу, а под Танглой берёт начало Янцзы. Я там ходил по камушкам, река Янцзы там ещё бежит по камушкам. А Тангла – это пять с половиной тысяч метров над уровнем моря. Кроме Янцзы, там берёт начало Меконг и ещё какие-то реки. И вот водитель нам говорит: «Сейчас будете задыхаться». Но мы сидим и не задыхаемся, а водитель удивляется: «Вот вы какие...».

ГВ: А как машина-то у него шла по горам?

БД: Хорошо шла! Японский грузовик. Когда мы возвращались из Шигацзе в Лхасу, то за Лхасой другой дорогой ехали. А там же горные водители – они всюду одинаковые! Они скорости не признают, гоняют как сумасшедшие, как у нас на Кавказе! Но только если у нас на Кавказе карманы есть, то тут никаких карманов не было вообще! Мы ехали по ледяному карнизу на полной скорости, без цепей безо всяких, по камням. И вот мы видим, как навстречу выскакивает грузовая машина с тибетцами. Ну, наш шофёр там как-то круто повернул, тормознул и мы повисли, и наша машина стала болтаться на берегу над речкой. Но у неё две ведущие оси были, шофёр подёргал-подёргал, и вылез, вытащил грузовик. И я впервые увидел, как сравнительно молодой симпатичный китаец (наверное, страшно перепугался, что иностранцев угробит) вылез из кабины совершенно зелёный и стал креститься! Очень хороший парень был. Он нас там устраивал на ночёвку, кормил нас. Мы там в где-то в районе Эвереста были. Я его увидел, видимо Эверест, потому что там такая долинка была, где-то она за пять тысяч метров. Я вышел и вижу, что висит такой ледяной пик, такая ледяная гора.

ГВ: В Лхасе вы жили в гостинице?

БД: Это был постоялый двор, где останавливались все иностранцы. Там был полный «интернационал»: японцы жили, какой-то профессор из Англии жил. Это был двухэтажный дом. По второму этажу галерея вдоль дома идёт, и там вся жизнь происходит. А вдоль галереи расположены комнатюльки. Маленькая комнатюлька, двуспальная кровать, четыре одеяла, две подушки,

тазик. А хорошая гостиница интуристовская там стоила 140 юаней. В те времена это были просто безумные деньги! Но и гостиница была совершенно шикарная, с иголки. Мы в своей комнате вместе забирались в постель, накрывались одеялами и прижимались друг к другу, потому что ночью там около 15 градусов мороза, никакого отопления, естественно, нет. Но зато утром нам приносили ряженку из ячьего молока. Правда, ледяную.

ГВ: Я по Монголии это знаю!

БД: В итоге я простудился легонько, а мой напарник воспаление лёгких схватил. Я его потом до Чэнду еле дотащил.

ГВ: Говорят, что в Тибете яки ещё более крупные и молоко у них ещё жирнее.

БД: Я там ячьего масла купил специально, чтобы попробовать. Они им смазывают лицо, потому что радиация там жуткая. Я купил на рынке полкило этого масла, попробовал – вполне! Потом из Тибета мы доехали до Сианя, из Сианя поехали в Чэнду, потом из Чэнду в Чунцин, откуда китайцы свозили нас в Бачжоу. А потом я плыл четыре дня по Янцзы до Нанкина. Янцзы же в Тибете берёт свои истоки, там она по камушкам бежит. И я вот реку Янцзы фактически от истоков до самого Нанкина проплыл. В верховьях там высокие скалы и узенькое ущелье, и капитан корабля с мостика не сходил. Потому что если судно теранётся об скалу, то там спасать уже не надо было бы никого.

ГВ: Вы вместе с китайцами в каюте ехали?

БД: Парень какой-то с мной в двухместной каюте ехал. Симпатичный парень, мы с ним как-то очень поладили, и всё нормально было. Это тоже, конечно, было очень интересно. А вот Ханчжоу мне не понравился. Я после Нанкина ещё ездил в Шанхай, в Ханчжоу, в Нинбо был...

ГВ: Это всё в командировке было?

БД: Тибет – нет. А Нанкин и Нинбо – это была командировка. Я там официально побывал в библиотеке, мне даже это как-то оплачивалось. В Шанхае и Ханчжоу – тоже в библиотеке. В Ханчжоу очень хорошая библиотека, она стоит на плотине у озера Сиху. Потом я ещё ездил в Шэньян, в Шэньянский провинциальный архив и в сектор цинской истории при Академии общественных наук. Там меня тоже здорово принимали! Так что я поездил по Китаю порядочно.

ГВ: Вы искали там материалы для работы?

БД: Да, материалы для работы искал. Но и заодно посмотрел Китай с близкого расстояния. Ездил я принципиально на «сидячках» (*ин-цзо* – то есть в жёстком сидячем плацкарте). Единственное исключение – при возвращении из Шанхая, когда я не нашёл плохого места. Меня тогда «запихали» в мягкий вагон, но я прямо извёлся там! А так я по двое суток ездил в «сидячках»! Когда мы в Тибет ехали, народ возвращался с новогодних каникул домой. У меня-то нумерованное сидячее место было, а китайцы набивались в вагон без мест. Подо мной на голом полу народ спал. Около меня тетенька стояла, вязала что-то такое, чтобы не заснуть. Даже в туалете народ спал! Когда понадобилось, там народ орёт: «Эй! Пустите иностранца!»

ГВ: А с языком проблем не было?

БД: У меня разговорный язык не очень хороший. И потом я очень стесняюсь, как-то очень робею. А вот мой напарник был очень энергичный! И когда мы чуть не застряли в Лхасе, нужно было идти объясняться с автобусным начальством. Я говорю: «Ну как я с ним буду говорить? Он же меня не поймёт!». «Иди!» – говорит мой астрофизик. Ну объяснился я вроде, все меня поняли. Но поскольку я знаю, что язык у меня плохой, я очень стесняюсь и не разговариваю.

ГВ: Но ведь это бывает, когда практики мало. Поэтому и нужна практика!

БД: Да я вообще стеснительный человек. И знаю, что плохо говорю. Мне все, кто там был, и Барышников Виктор Николаевич, и другие, говорили: «Иди, разговаривай! Как можешь, так и говори! Надо будет, поймут!» Но я как-то всегда очень робел.

ГВ: Вообще, на Востоке удивительные люди! Даже если лишь чуть-чуть что-то можешь сказать, они счастливы бывают.

БД: Да-да. В общем, общался я в меру сил и возможностей. Потом два месяца я там был уже совсем один, надеяться было не на кого, была только «опора на собственные силы». Так что что-то такое я там произносил, но разговорный язык у меня всё же не очень. Когда я там год пожил, я на слух практически всё понимал, а разговаривать остерегался.

ГВ: Но жили вы в Бэйда, в общежитии для иностранцев?

БД: Да, в Шоуяньлоу. В общем тогда у меня полезная командировка получилась: и материалы набрал, и страну посмотрел. И после этого, когда вернулся, через некоторое время защитил докторскую. Она у меня пошла по совокупности трудов, никакого специального текста я не писал. Она называлась «Официальное историописание – государственно-политический институт империи Цин. XVII–XVIII вв.».

ГВ: Какой это был год?

БД: Это был 1993 год. Потом, в 1995 году, меня произвели в профессора. В должности профессора я так и пребываю. Ну а публикаций у меня за сотню, я не помню, сколько.

ГВ: Когда вы снова попали в Китай?

БД: В 2005 году меня пригласил «цинский проект». Они проводили тогда большую международную конференцию. Конференция проходила на очень высоком уровне, под эгидой министерства культуры, открывалась в зале Всекитайского Собрания Народных Представителей в Пекине. И там как раз тот куратор из политбюро тоже присутствовал. У меня есть метровая общая фотография: там весь цвет китайской историографии был.

Так вот, пользуясь случаем, в 2005 году я поехал посмотреть Бэйда... Во-первых, я его не нашёл! Вышел на остановке, спрашиваю: «Братцы, где Бэйда?» «Вот же, стоит! Южные ворота!». А я за 20 лет до этого из этих Южных ворот каждый день на велосипеде ездил! Вообще, за тот год жизни в Китае я, по приблизительным подсчётам, тысяч пять или шесть километров по Пекину наездил. Каждый день после обеда садился и крутил педали. Во-

первых, в архивы нужно было ездить. Во-вторых, прочёсывал книжные магазины. Ну и просто так смотрел Пекин. Огромное удовольствие мне это доставляло! Так вот, потом пошёл я в 2005 году по территории Бэйда – ничего не узнаю! Думаю, пойду хоть в библиотеку. В библиотеке у меня там ещё знакомые работали раньше. Там-то я, думаю, всё знаю! Вхожу – где библиотека? Говорят: вот библиотека! Они её так застроили – тоже совсем не узнать! Где я жил, не нашёл! Пошёл в столовую – столовая другая! Построили грандиозную новую столовую! Я ещё хотел поесть, но без талона меня не взяли. На другой день знакомые китайцы погрузили меня в машину и повозили по территории Бэйда на машине. Я хоть кое-что посмотрел, вспомнил что-то. Но это было уже после.

Конференция, в которой я тогда участвовал, была очень интересной и здорово финансировалось, судя по размаху. Там и японцы были, и американцы, и китайцы понаехали. Я там со своими знакомыми пообщался – есть у меня китайские знакомые, которые раньше не только цинами занимались. Они мне сказали: «Да господи, мы сейчас только цинами и занимаемся, больше ничем!».

ВГ: Сколько раз вы были в Китае за всю жизнь? Примерно?

БД: Это нужно считать. Первой и самой продолжительной (почти годовой) поездкой была стажировка в 1985–1986 гг. Потом, если брать Хэйхэ за Китай, то там я тоже раза два был. Это три раза получается. Потом в начале 2000-х годов – это четыре. Потом в 2005 году был в Китае – пять, 2007 год – шесть. Потом какой-то ещё год – семь. Потом, после перерыва, в 2016 году в Чэндэ – восемь. Ну, около десяти раз.

ГВ: Сейчас у вас много студентов?

БД: По-разному. Сейчас очень сложно. Они стали очень стихийно-мобильные. Прежде, чтобы куда-то уехать, надо было получать санкцию. А теперь у студента деньги в кармане завелись, и он – прыг, и поехал! «Где студент?». «А он в Китае!». «Как в Китае? Почему в Китае?». А никто не знает, почему. Оформился как-то, поехал, и всё... Поэтому некоторые учебные группы как-то резко пустеют, а некоторые – большие. Вот мы сейчас первый курс набрали, там экономика Китая открылась, где-то 24 человека на курсе. Это экономика. А у нас ведь ещё и литература есть. И исторический цикл мы иногда берём. Потом у нас уже много лет популярна подготовка вьетнамистов-китаистов, кореистов-китаистов. Кроме того, у нас преподают второй восточный язык.

ГВ: Второй восточный язык – тоже даётся как обязательный?

БД: Обязательный второй восточный язык, по программе. Для китаистов долгое время это был японский язык. Они и сейчас большей частью японский изучают. Был какой-то период, когда им корейский давали. Европейский язык, конечно, тоже обязательно учат. Я сейчас точно не могу сказать, но, по моему, у нас по-прежнему очень большое количество часов, и ребята к четвёртому курсу достаточно свободно с английским языком обращаются.

Некоторые выпускники даже работают с английским языком. У нас хорошие преподаватели английского языка!

Сейчас, правда, немного меняется структура: бакалавриат и магистратура появились, всё стало несколько сложнее, денежный аспект появился. А раньше, если у человека шла серьёзная тема, для которой нужен был французский или немецкий, всё очень просто решалось. Договаривались, и всё, занимались. А некоторые, кто занимался Индонезией, получали ещё и голландский язык.

ГВ: Как вам кажется, годится Болонская система для китаеведения?

БД: На эту тему уже много чего сказано людьми, которые побольше знают, чем я. Но я уверен, что «болонская система» вообще нехороша. Нехороша не только для китаеведения, потому что это снижение уровня науки. В своё время я слушал доклад нашей делегации, которая изучала вузовское и, по-моему, школьное преподавание в Англии. Они говорили, что знаменитые английские «колледжи» предлагают, по сути, среднее образование. Кроме того, и в Англии, и в США есть университеты разного уровня и, соответственно, разные принципы поступления. Там ЕГЭ есть, но они там совсем другие. Я на эту тему слушал тоже одного очень компетентного человека, который рассказывал, что там ЕГЭ – только часть приёмной процедуры, притом не главная и не единственная. И по содержанию она совершенно другая. А «Болонская система», по-моему, никуда не годится. Это снижение уровня!

ГВ: Я не специалист, но мне кажется, что она как-то социально ущербна. Она заранее формирует слой людей, который никогда не будет...

БД: Конечно! Ведь те ребята, которые собираются управлять миром, они по «болонской системе» детей не учат. Они их отправляют в другое место учиться. А востоковедение – это вообще штука специфическая. Оно и среди гуманитарных наук очень своеобразно.

ГВ: Институт, который я заканчивал (ИВЯ/ИСАА)³⁴, назывался в переводе на английский «college». То есть ты каждый день, как в школе, делаешь домашнее задание, так как иначе восточный язык не выучишь никогда. Это нельзя «тысячами» знаков давать, как «технарю».

БД: Да, мы же глубоко изучаем другую культуру! Ну как можно изучать китайскую культуру по «болонской системе»? Это же немислимое дело! Мы и так её – «еле-еле»! Но у нас, например (что тоже очень хорошо сделано), историки получают двухгодичный курс истории китайской литературы. У нас работает крупнейший литературовед – Евгений Александрович

³⁴ИВЯ/ИСАА – до 1972 г. – Институт восточных языков (ИВЯ). Гуманитарный факультет МГУ, созданный на базе восточных отделений исторического и филологического факультетов. Решение о его организации было принято специальным постановлением Совета министров СССР № 657 от 16.05.1956. «Об организации Института восточных языков» / Институт стран Азии и Африки (ИСАА).

Серебряков³⁵. Своя молодёжь тоже подрастает талантливая. Вот тут на кафедре была такая девочка Аня, не помню сейчас фамилию. Несколько лет назад проводили конкурс на знание китайского языка, так она заняла самое первое место! Ей устроили сначала трёхмесячную бесплатную стажировку в Бэйда, а потом туда перевели учиться. И сейчас она там изучает международные отношения. Из Вологодской области девочка, даже не из Вологды! Вот человек сам себя сделал! Она была у меня на курсе «Словари и справочники». Это не самый интересный курс, но в общем нужный студенту. Она и её подруга Саша – такие дотошные девочки! Всегда, если чего-то не понимали, считали необходимым спросить, всё дотошно выполняли.

ГВ: Как вы могли бы охарактеризовать современный социальный срез ваших студентов? Кто и почему сейчас идёт изучать китаеведение? Вот эта девочка из-под Вологды, откуда она вообще узнала о нём?

БД: Дело в том, что я был не только замдекана, но и четыре года командовал приёмной комиссией на факультете. Мне кажется, тут дело случая. Скажем, в те времена очень популярна была индийская специальность. Спрашивается, зачем? «Ну как же, Индия, индийские танцы!»... Китай точно так же – поветрие... Японистика тоже: «Ну вот, Япония!». А что такое Япония – никто не представляет. Корея меньше, но тоже популярна. Людей, которые хорошо представляют, куда они идут, всегда было немного.

ГВ: но такие всё-таки есть?

БД: Да, есть.

ГВ: Они как-то связаны с этим? Их родители китаисты?

БД: Тут по-разному бывает. К нам попадают люди из школ с китайским языком, но оттуда их не очень много идёт. Я как-то затрудняюсь сказать, как ориентируются те, кто идут не за дипломом, а за знаниями. Я вот как-то пробовал проводить что-то вроде семинара по Китаю. Людей из города набежала тьма! Сюда стулья тащили и тащили, негде было разместить. Всем было интересно! Потом я с абитуриентами беседы устраивал, лекциями для них занимался. Там были ребята очень интересующиеся!

ГВ: А перспективы у них какие? Почему я спрашиваю: в начале 1990-х гг. МИД России был разрушен совершенно, особенно его китаеведная часть. Потом очень много пришло хороших ребят, именно китаистов, с языком, страноведческая подготовка. То есть там штаты заполнены.

БД: Между прочим, я вас перебыю, наш выпускник **Сергей Николаевич Гончаров**³⁶, он у меня в группе занимался.

³⁵ *Серебряков Евгений Александрович* (1928–2013). Китаевед, д.ф.н., профессор ЛГУ/СПбГУ (с 1951). Завкафедрой кит. филологии (1960–1997). Исследователь и переводчик классической китайской поэзии.

³⁶ *Гончаров Сергей Николаевич* (1955 г.р). Китаевед, дипломат, бизнесмен. К.и.н. (1982). Окончил Востфак ЛГУ (1977). Сотрудник ИДВ АН СССР/РАН (1982–1992). Стажёр Пекинского университета (1984–1985), Стэнфордского университета (1990). Сотрудник МИД РФ (с 1992). Специалист по средневековой китайской дипломатии, истории

ВГ: Вы вспоминаете С.Н. Гончарова, известного Китаевода и дипломата, как одного из ярких учеников. Кто еще из учеников-студентов запомнился за многие десятилетия вашей работы?

БД: В 1993–1998 гг. В своё время в моей группе был Кирилл Солонин, потом была **Мила Попова**³⁷ – теперь она крупный Китаист на экономическом факультете. Но самый мой главный и любимый ученик – это **Анна Владимировна Аллаберт**³⁸.

ВГ: В какие годы она училась на востфаке?

БД: В 1993–1998 гг. Она всё время занималась современным конфуцианством. Через вас, наверное, проходила её книжка.

ВГ: Да, конечно! Сергей Леонидович (Тихвинский) меня просто «замучил», очень за неё переживает. Всё время интересовался, всё ли в порядке.

БД: Да, она умница необыкновенная! На четвёртом курсе съездила в Китай, притащила книжки сама. Я ей сказал: «Аня, если бы я был начальник, я б тебе сразу все зачёты и экзамены «автоматом» поставил, потому что не всякий квалифицированный учёный такие книжки отберёт и привезёт!».

ВГ: Вы упомянули о том, что в своё время хотели поехать, а вам сказали: «Поедет Москва!». А у тех ребят, которые занимаются здесь в последние годы, какие-то реальные перспективы в плане работы есть?

БД: Я себе это плохо представляю. Раньше у нас было официальное трудоустройство по распределению. Сейчас, по-моему, наши выпускники в значительной мере сами ориентируются. На Китаистов спрос есть! Прежде всего, это компании всякие, бизнес. Ну и с выездом туда. Вот Анна Аллаберт уже который год работает в Китае очень успешно.

ВГ: Она сама туда поехала или «по мужу»?

БД: Она по-всякому поехала – и сама, и потом семья там. Ну и вообще, у нас много хороших ребят! А как они распределяются... я сейчас, слава богу, не в деканате, поэтому не очень много знаю. Те ребята, которые через меня проходят, о них более или менее знаю, а так не очень. Вот две мои подопечные сейчас поехали и устроились на коммерческой основе в магистратуру при университете Цинхуа. Хотят как-то в Китаистике закрепиться. Как уж у них получится?.. Кстати, одна из них написала замечательную выпускную работу, надо бы её опубликовать! Всё никак не получается. Она написала о Чжун Линь. Написала такое, что у нас на русском языке прочесть нигде нельзя, да и на китайском не всегда. Работала два года.

российско-китайских отношений в XX в. После ухода из МИД РФ – представитель ОАО НК «Роснефть» в АТР (г. Пекин, 2006–2012). Представитель Русал (Пекин).

³⁷ Попова Людмила Валерьевна. Востоковед-историк, к.э.н. (1999), доцент кафедры мировой экономики СПбГУ. Преподаватель СПбГУ (с 1998). Окончила востфак СПбГУ (1992). Сфера исследований: Экономические реформы в Китае, Китай в международной торговой системе.

³⁸ Аллаберт Анна Владимировна (1976 г.р.). Китаевед, к.и.н. (2003). Окончила востфак СПбГУ. Сфера исследований: конфуцианство в современном Китае.

Она человек очень старательный, китайский прилично знает, английские работы использовала. Удивительный материал собрала!

ГВ: Какими будут сейчас ваши главные задачи по работе с филиалом?

БД: Дело новое, в других вузах такого ещё вроде не было. Не знаю, что получится. У вас какие-то контакты вроде есть... «Ваши», вроде, согласились сотрудничать, что-то публиковать. Планируются мероприятия на год с участием «ваших». **Михаил Леонтьевич Титаренко**³⁹ собирался приехать, лекции у нас почитать в течение года. Ну, а там посмотрим. Пока надо нащупывать почву, чтобы всё это было на достойном уровне. Вообще это дело полезное. У нас давно речь заходила на факультете, что именно для восточного факультета хорошо бы иметь такое специальное научное подразделение как, например, институт. Ну, в те времена это непроходное дело было. Я знаю, что некоторые наши деканы пробовали это делать, но тогда это было непроходное.

ГВ: Может, надо, чтобы аспирантуру ввели?

БД: Да. Мы тут и с Михаилом Леонтьевичем Титаренко разговаривали. Вроде у института Дальнего Востока определённая заинтересованность есть. Так что, может, встанем на ноги.

ВГ: Если вернуться к вопросу о дисбалансе центров китаеведения. Почему в 1950 году произошёл знаменитый переезд института востоковедения из Ленинграда в Москву?

БД: Не знаю, почему, но тогда всё «концентрировали» в Москве, политика была такая. А тут оставляли филиалы.

ВГ: Это не обсуждалось? Просто было решение сверху?

БД: Тут можно вспомнить «ленинградское дело». Дело в том, что после войны региональные партийные элиты стали «отбиваться от рук». Причём работа была очень активная. Страна начинала расползаться как раз в то время, когда нужно было всё консолидировать, иначе бы страна на ноги не встала. И Иосиф Виссарионович (**Сталин**⁴⁰) решил с этим делом кончать... В этом ключе, может быть, и Академию наук стали «собирать» в Москве.

ВГ: Какое из своих достижений в науке вы считаете самым главным?

БД: Да нет у меня достижений! Чем дольше я занимаюсь Китаем, тем больше понимаю, что ни фиги не понимаю!

ВГ: Давайте по-другому спросим! Как вы считаете, каким было самое главное открытие, которое вам удалось совершить?

БД: Не делал я открытий никаких!

ВГ: Но хотя бы для себя вы делали же какие-то открытия!

³⁹ Титаренко Михаил Леонтьевич (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (с 1985). Лауреат гос. премии РФ в 2011 (за 2010).

⁴⁰ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1950х. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности.

БД: Ну, если только аккуратно как-то изложить, то я являюсь кем-то вроде «мамонта» в изучении историографии. **Василий Павлович Васильев**⁴¹ в своё время пробовал что-то делать, потом вот Рудольф Всеволодович Вяткин немножко этим делом занимался, **Лазарь Исаевич Думан**⁴² занимался. Он, кстати, меня на этот путь и поставил. Это ведь совершенно особый, уникальный феномен. В мире ничего похожего нет. А сейчас уже больше никто не занимается китайской историографией! Тем более, что с помощью интернета этим заниматься нельзя.

ВГ: А как нужно? С помощью интернета теперь этим все занимаются! С точки зрения профессиональной, о чём вы больше всего жалеете? Что не удалось сделать? Что не получилось?

БД: Не сумел изучить китайский язык как следует! Я практически самоучка. Потому что у нас, особенно когда нас разделили на историков и филологов, практически не было путного преподавания китайского языка, и всё время приходили новые преподаватели... И в Китай я поехал уже не очень молодым. Меня там тоже хотели за парту посадить, чтобы изучать китайский язык, а я говорю: «Не буду!». Зато я по Пекину наездил на велосипеде около шести тысяч километров! Я не просто любил на велосипеде ездить, а смотрел, как страна живёт. Мне всё было очень интересно! Я и по Китаю много поездил...

ВГ: Какой марки был ваш велосипед?

БД: То был китайский велосипед, который для иностранцев делали. Потом, когда я стал уезжать, за моим велосипедом набежали всякие чиновники – очередь стояла, и я отдал этот велосипед кому-то, чуть ли не мидовскому какому-то чиновнику.

ВГ: Вы всю жизнь любили ездить на велосипеде. А сейчас ещё ездите на нём?

БД: Езжу, но у меня проблема – я живу на третьем этаже, теперь стало трудновато таскать велосипед. Так-то я могу ездить, пробовал, крутить педали нетрудно! А вот таскать велосипед на третий этаж... Я могу, но как-то для сердца не очень хорошо...

ВГ: Можно пристёгивать велосипед внизу, в подъезде.

БД: Это я в Китае спокойно пристёгивал: подъеду к любой стояночке, где бабушки сидят, а иногда и без бабушек. Правда, я как-то раз в начале стажировки поехал по магазинам, бросил велосипед у какого-то дерева. Потом выхожу – а его уже нет! Ещё до ухода я там кукурузу покупал, и

⁴¹ *Васильев Василий Павлович* (1818–1900). Китаевед, профессор, действ. член Императорской Российской Академии наук (с 1886).

⁴² *Думан Лазарь Исаевич* (1907–1979). Востоковед, историк и экономист. Д.и.н. (1965). Окончил факультет языкознания и материальной культуры ЛГУ (1930). Преподаватель Ленинградского ин-та живых вост. языков, ЛГУ (1936–1941). Служил в армии (1941–1952). Сотрудник ИВ АН СССР (1935–1940, 1952–1956, 1962–1979), замдиректора Ин-та китаеведения (1956–1961). Исследовал историю Китая и соседних народов в древности и новое время.

тётенька, которая мне кукурузу продавала, говорит: пришла дежурная, она твой велосипед забрала – тут нельзя ставить! Я пошёл, нашёл свой велосипед и говорю дежурной: «Отдайте же его мне!». Она отвечает: «Так ты “длинноносый” (大鼻子 большеносый), а я думала, что ты китаец!». И вынесла велосипед. Не знаю, важно ли знать такие вещи для китаиста, но я сразу понял, кто я такой!

ВГ: Какое у вас любимое место в Пекине?

БД: В Пекине мне очень нравятся западная окраина Гугуна. Не помню, как там улица называется.

ВГ: Какие местности вам нравится больше всего в Китае?

БД: В Китае мне очень понравился тогдашний Нанкин, тогдашний Сиань мне тоже понравился. Сейчас Сиань уже другой. Много чего.

ВГ: Свою первую поездку в Китай вы совершили на поезде или на самолёте?

БД: Нам не разрешено было ехать на поезде! Когда нашу группу собрали в Москве, нам разрешили только лететь самолётом. Но билетов на самолёт не было, поэтому мы чуть ли не целую неделю сидели в Москве на чемоданах. А потом Министерство образования сказало нам: если билетов завтра не достанем – поедете домой! Ну, тогда **Нина Ефимовна Боревская**⁴³ сама взялась за дело, где-то там пробила билеты, и мы всё-таки улетели.

ВГ: Когда вы впервые попали в Китай, каким было самое первое ощущение?

БД: Я уже говорил, какое – непечатное оно! Поскольку мы слишком долго уезжали, мы примерно дня два плотной еды не имели. И первым делом, когда я в Бэйда чуть-чуть «укоренился», и даже, по-моему, ещё не выделили мне комнату, я отправился через Южные ворота поискать чего-нибудь покушать. Там была пельменная. Я залез в пельменную, там меня спрашивают: «Сколько?». А я не знаю! И китайских мер веса не знаю, и не представляю, сколько обычно заказывают там... Они говорят: «Столько-то лян хватит?». Я говорю: «Давайте!» В итоге они приносят огромную гору пельменей! Я их с голоду все съел, а ночью чуть не помер. Вот такое самое яркое впечатление! Конечно, там было много интересных событий и деталей.

ВГ: Кстати, как вы относитесь к китайской кухне и китайским крепким напиткам?

БД: И то и другое – хорошо, только в своё время и к месту.

ВГ: Но какое блюдо – ваше любимое?

БД: **Гу лао жоу**⁴⁴. Да, ещё моя любимая еда – это самовар (*хо го*). Но самовар не «ширпотребовский». Последний раз мы ходили на самовар с какой-то делегацией. По-моему, Титаренко с нами тогда был, и нас повели в один из центральных ресторанов на улице Ванфуцзин, где самовар делают в цинских сосудах. Мы там сидели и, по-моему, даже не одного, а полстада баранов

⁴³ Боревская Нина Ефимовна (1940 г.р.). Востоковед, литературовед, историк, к.ф.н., д.и.н., сотрудник Ин-та Дальнего Востока РАН, специалист по средневековой китайской литературе и политике Китая в сфере образования.

⁴⁴ Гу лао жоу – старинный рецепт приготовления свинины.

съели! Одна только была неприятная сторона: запить ничем не давали! Еда была совершенно потрясающая, мы там ели и мясо, и печёночку, а пить нечего было! Начальство не пило, поэтому и мы – тоже... Ещё есть шикарный ресторан в *Шифань дасюэ* (Педагогическом университете), где центр историографии китайской, и куда я хотя очень долго пробивался. Пробился только где-то в 2007 году. Там работали два ведущих профессора, мои знакомые с 1986 года. И когда все дела рабочие кончились, они меня повели в ресторан. Это было что-то! Я там потом не так редко бывал...

ВГ: А «утку по-пекински» вы любите?

БД: Дрянь это такая! Меня там тоже водили в центральный ресторан «Цюаньцзюйдэ», около Передних ворот. Ко всему прочему, сейчас пекинская утка подаётся сухая совсем, дохлая. Я спрашиваю: «Что это за утка?». Как мне объяснили китайцы, поскольку сейчас народ стал очень много жирного потреблять, все толстеть стали, вроде вышло распоряжение жирной утятинны не готовить. И они дают такую «тощую» утку.

ВГ: Ваш любимый напиток? Пиво?

БД: Армянский коньяк! Пекинское пиво [Яньцзин], кстати, очень хорошее, хотя, по-моему, сейчас оно испортилось.

ВГ: Какие вообще напитки вы употребляли тогда в Китае? В СССР ведь был разгар горбачёвской борьбы с пьянством, которую пытались распространить и на советских стажёров в Китае!

БД: Да, мы поехали в Китай в разгар борьбы с пьянством. Поэтому, когда были приёмы в советском посольстве, то там спиртное в отдельном зале «давали». Сами посольские, по-моему, пили день и ночь. И человек, который курировал нас, стажёров и студентов, вообще не просыхал, но приходил «бороться». А чтобы мы чётко знали «правила», буквально через несколько недель после нашего приезда «отловили» там одного парня-москвича, который вроде бы выпил. Устроили в посольстве показательный процесс. Хай был страшный! Кстати сказать, Николай Алексеевич Спешнев очень активно в нём участвовал. В итоге парня отправили домой и у него вся дальнейшая карьера кончилась.

ВГ: А страшим по группе стажёров в вашем заезде был Спешнев?

БД: У нас, конечно, Спешнев был. А кто же ещё?

ВГ: Кто ещё был в том заезде, кроме вас, Боровской и Спешнева? *Яхонтов*?

БД: Яхонтова не было. Была Ольга Петровна Болотина из Владивостока. Кто-то ещё, я не помню сейчас. Да, с нами были ещё **Буров Владилен Георгиевич**⁴⁵ с супругой!

ВГ: Интервью с В.Г. Буровым есть во втором томе нашей серии «Российское китаеведение – устная история».

⁴⁵ Буров Владилен Георгиевич (1931 г.р., Харбин). Китаевед, д.филос.н. (1986), профессор (1994). Окончил МИВ (1954). Сотрудник Ин-та философии РАН (с 1959). Исследователь классической и современной кит. философии.

БД: Буров вообще очень интересный человек! В Пекине у нас был на этаже телефон, не в комнате. Так, когда Буров разговаривал по телефону, на всех пяти этажах здания нашего общежития было всё слышно замечательно. Он «глаголил» на полную мощь!

ВГ: А что потребляли вообще, в перерывах между «борьбой с пьянством»?

БД: Эрготоу (гаоляновую водку). Я, правда, когда в Шэньян попал, увидел, что «байланди» (коньяк) там любят. Ну, я взял бутылочку. Я мог хоть бочку покупать, никто не обнаружил бы. Меня там китайцы прикрывали хорошо, они меня любили. Ну я попробовал в своём номере – дрянь какая-то, потом выбросил её. Как-то раз мы со Спешневым возвращались в позднее время. Были у знакомых и на обратном пути зашли в забегаловочку, а там компания сидит уже «тёпленькая». Ну, мы заказали чего-то взяли помаленечку, а та компания наша нас решила «включить» в себя, хотели всех нас за свой стол посадить, мы и присели... Они там все играли в «пальцы» (камень ножницы, бумага)... Так я в первый раз посмотрел на эту игру, как это делается. Очень здорово! Кто проиграл, тот, естественно, пьёт... Ещё китайцы пили какое-то дешёвое шипучее вино, там минимум градусов. Китайцы страсть как это любили! Особенно студенты в студенческой столовой...

ВГ: Какая стипендия была у стажёров в 1985 году, двести долларов?

БД: Точно не помню, но стипендия у нас была хорошая. Причём нам платили *вайхуэйцзюары* (валютные чеки для иностранцев), с которыми была проблема. *Вахуэйцзюар* стоил у нормального китайца (на чёрном рынке) раза в два дороже, чем обычные юани *жэньминьби*. А преподавателям русского языка, которых тогда довольно много тогда в Китай приехало, платили как раз только *жэньминьби*. У них *вайхуэйцзюаров* не было. У нас там была симпатичная преподаватель, Светлана Александровна, вот я с ней обмен и наладил. Я ей свои *вайхуэйцзюары*, а она мне – *жэньминьби*. С чеками в обычный магазин и особенно на рынок ходить было неудобно, потому что приходишь какую-нибудь ерунду покупать, куриные яйца или прочую еду, а там начинается перепалка! Ведь это были «валютные» деньги, и были магазины, где только на них можно было купить разные товары.

ВГ: Билеты на поезд вам тоже приходилось покупать за *вайхуэйцзюары*?

БД: Нет, у нас была специальная карточка учащегося, поэтому когда мы из Тибета возвращались, то тоже платили *жэньминьби*. Как раз там я пошёл в кассу, а кассир быстро определила, что я не китаец и не тибетец, и говорит: «Давай *вайхуэйцзюары*!» Я хотел было уже отдавать, но тот самый москвич-физик говорит: «Пошли к начальству!». Я пошёл, объяснил, начальник позвонил в кассу и нам дали билеты за *жэньминьби*...

ВГ: Сейчас молодые китаисты постоянно ездят в Китай. У них есть все условия для изучения языка, исторических источников и освоения специальности. Как вы считаете, что нужно для того, чтобы стать хорошим китаеведом-профессионалом? Ваши пожелания молодым китаеведам?

БД: Знать страну нужно! Я это на своём собственном опыте понял и всем ребятам, которые уезжают на стажировку, всегда говорил то же самое...

ВГ: Спасибо за интервью, Борис Григорьевич!

БГ: За так называемое интервью...